

Ушёл, оставшись...

Антонина Шнайдер-Стремякова (г. Берлин, Германия)

Поэт, прозаик, публицист, германист Виктор Гейнц родился 10 октября 1937 года в разгул большевистской реакции, в стране, что исчезла с карты мира, – СССР. Дитя той страны, он пережил всё, что выпало на долю её народа. Зрелые 75 – для Германии возраст далеко не преклонный. Надеюсь, на книжной полке Вечности время определит ему заслуженное место. С его уходом литература недополучила... потеряла... О брошенных во время депортации коровах, мычащих от разбухшего вымени, писать будут многие, но так пронзительно, как у Виктора Гейнца, эта тема не зазвучит...

Он писал на языке своего этноса – немецком. Из переводов на русский передо мною сборник стихов советских немецких поэтов «Созидание» (Москва, советский писатель, 1981) да рассказы и повести «Отчий дом» (Алма-Ата «Жазушы», 1989) – подарок, присланный им в начале этого, 2013 года. Роман «Der brennende See» – то, что прочесть должен бы каждый. Но умел он подмечать и смешное – свидетельство тому заглавие «Der eine spricht, der andre schwätzt, der dritte babbelt», Augsburg 2008.

Красивый внешне и душой, он был велик в своей скромности. В уже свёрстанном журнале «Крещатик» (№1-2013) не оказалось его рассказа «Последняя буханка» (перевод Р. Вайнбергера) – пришлось вмешаться. «Не расстраивайтесь, – успокаивал он, – ругают не потому, что плохо. Скорее, наоборот».

Писал без шума. Жил тихо. Ушёл незаметно. Он успел перевести на немецкий язык мою дилогию «Жизнь – что простокваша», перевод «Айсбергов колонизации» прервался на 55-й странице. Одного с ним года, я в глубокой печали: умерла частица меня... Мои соболезнования родным и близким. Царствия ему небесного!

Слово «war» в его последнем романе „Als ich gestorben war...» (Когда, было, я умер...) обрело, к сожалению, категорию настоящего времени – „ist“... Его сердце остановилось вечером 11 июня 2013. Сегодня ему было бы 76 – для кого-то «только», для кого-то «уже»...

Тематикой его произведений является не только эпоха, в которой он прожил, не только тяготы, которые выпали на долю его оболганного народа, но и обыкновенные человеческие чувства, что бушуют в людях во всякие времена – трудные и не очень. В этой небольшой статье мне хотелось бы раскрыть не столько диапазон литературного творчества В. Гейнца (это прерогатива литературоведов и критиков), сколько его как Личность.

Личность во все времена не только выделялась из толпы, но была и наиболее уязвима: на эшафот в прямом и переносном смысле первой попадала она. В. Гейнцу в этом смысле повезло: он родился в Сибири, в немецком селе и попал под хрущёвскую оттепель. Если бы не это, кто знает, как сложилась бы его судьба.

К числу так называемых глашатаев-борцов за «светлые идеалы» Виктор Гейнц никогда не принадлежал – он был их тихим носителем. Остро чувствуя фальшь, он ей противостоял манерой неподдающихся – лёгкой усмешкой или едва заметным взмахом недовольной руки. Его не надо было убеждать или агитировать. Что «такое хорошо и что такое плохо» он чувствовал, что называется, по запаху, но не потому, что за плечами был жизненный опыт, а потому, что в нём срабатывал внутренний счётчик добра и зла. Выражение «за кого Бог, за того и люди» не имеет к нему никакого отношения, ибо в нём жил свой Бог. Его Бог не боялся общения с отверженными, его Бог был чужд зависти и лицемерия. Иметь собственное, отличное от других мнение было опасно всегда – опасно вдвойне в эпоху тоталитарной власти Партии большевиков, когда голосовать «за компанию» было делом обиденным. Но под массовый психоз Виктор Гейнц не попадал – спасала независимая, трезво мыслящая голова и натура, чуждая конъюнктуры. Для него не существовало авторитетов, перед которыми он бы заискивал, он признавал лишь авторитет личностных качеств: честь, талант, порядочность и ум.

В творческой среде, известно, сильна конкуренция. Её наличие признают в открытую и сами конкурирующие: «Либо я, либо он». Преднамеренное злопыхательство и клевета – явление в этой среде обиденное. Представить шагающим по трупам Виктора Гейнца невозможно: очень уж мирным и скромным был человеком. Его наследие: стихи, поэмы, рассказы, романы, тетралогия «На весах столетия» („Auf den Wogen der Jahrhunderte“) – не плод «конкуренции» либо желания славы, а плод талантливой души.

В. Гейнц много переводил, но соглашался он на перевод лишь в случае, если текст отвечал знаку качества, оттого и переводы его избирательны: С. Фельде, А. Шнайдер-Стремякова, Н. Рунде, К. Гейн, И. Даут, Ал-др Цильке, песни Д. Герман и А. Мюллер, О. Райхерт, Л. Бауэр, О. Кельм-Вагнер, 13 романсов для песенника «Это было однажды». Всех его переводов я не знаю, так что названы, видимо, не все.

В. Гейнц занимался переводами, живя в СССР, но больше всего переводов сделано им в Германии. К ним он относился так же, как к собственным произведениям, – строго.

«Wenn ich was übersetze nehme, ich meine Aufgabe ernst. Ich bin für die Übersetzung auch so verantwortlich, wie Sie für das Original! - Если я берусь за перевод, подхожу к делу серьёзно: несу за него такую же ответственность, как и автор оригинала.»

О том же свидетельствует и Светлана Фельде. На её просьбу о переводе он отреагировал: «Если пойму, что мы говорим на одном языке, переведу. Нет – не обессудь...»

Во время работы над моей диалогией он писал: «Ich lese jetzt noch einmal den Ersten Teil auf Fehler durch (schon das vierte Mal!) und finde doch noch einige Stellen, die man verbessern kann. Man möchte doch möglichst weniger Fehler machen, weil es in vielen Verlagen keine Korrektoren und Lektoren gibt. -

Снова перечитываю первый том на предмет ошибок (в 4-й уже раз!) и снова нахожу места, которые можно улучшить. Хотелось бы сделать как можно меньше ошибок, потому как во многих издательствах нет редакторов и корректоров.»

Перевод можно считать удачным, если автор угадывается на слух: в прозе – по стилю, в поэзии – по ритмике стиха. Мне посчастливилось слышать чтение переводов Иоганна Варкентина в собственном исполнении; в них Пушкин, Цветаева и Маяковский угадывались по слуху. Такими же по качеству являются и переводы Виктора Гейнца. Признанный писатель, поэт, публицист и драматург, он мог бы отказаться от перевода моей дилогии «Жизнь – что простокваша», исходя из одного только объёма – 640 страниц! Тем более, что мы были на разных ступенях: он – состоявшийся, я – начинающая, но поняла я это только в 2010 году. «Ищу переводчика, чтобы сохранил стиль», – диктовала я условия, – не знала, в чьи руки попадаю.

Позже он напишет: «Ich bin kein Kritiker, sondern nur Übersetzer, aber ich spüre... mehr als ein gewöhnlicher Leser, was gut und was weniger gut ist - Я не критик – только переводчик, но что хорошо и что плохо, чувствую намного острее любого рядового читателя».

«Хватит ли моей жизни перевести всё Ваше», – улыбался он, и как чувствовал: перевод «Айсбергов колонизации» прервался на 50-х страницах... Меня не покидает впечатление, что этой работой занимался он не столько из желания заработать, сколько из желания помочь. Если текст ему нравился, он соглашался и за символическую плату. Издатель немецкого варианта дилогии потребовал аннотацию. Из-за недостаточного знания языка я сделать это не могла. Позвонила... Он долго не размышлял: «Пришлите текст, который считаете нужным. Платить ничего не нужно». Чтобы его не обременять, я послала три или четыре строки – ему не понравилось: «Die Zusammenfassung kam mir etwas zu kurz vor, deswegen habe ich ihn ein bisschen erweitert.- Резюме мне показалось коротковатым, так что я его несколько расширил.»

Тесно общались мы по телефону лишь в последние три года, хотя знала я его и до этого. Эти часы помогли мне понять его ироничную, склонную к философским обобщениям натуру. Все, кто делал первые шаги на литературном поприще, чувствовал себя рядом с ним на равных, потому как при высочайшем профессионализме его отличало полное отсутствие демонстрации этого профессионализма. Многогранный талант, отлично владевший словом, он умел радоваться чужим успехам; умел, несмотря на начитанность и эрудированность, не лезть вперёд со своим мнением. А уж если говорил, то не в бровь, а в глаз.

В 25 лет (1963 год, Хрущёвская оттепель) он стал доцентом Омского пединститута – самым молодым доцентом из немцев. Однако комфорта в этой должности не испытывал – не потому, что не хватало знаний, а потому, что многое был вынужден делать не так, как хотелось бы.

В студенческие годы ходил по немецким сёлам и собирал народные изречения и прибаутки. Результатом того юношеского интереса к фольклору

стала книга «Der eine spricht, der andre schwätzt, der dritte babbetl» («Один говорит, второй лопочет, третий бормочет», Augsburg 2008, изд-во В. Вебера).

Думается, диаспоре из российских немцев следует более активно популяризировать Цвет литературы российских немцев – Иоганна Варкентина и Виктора Гейнца.